

СЕРИЯ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИХ НАУК, ВЫП. 2

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФИНСКОГО ТРАНСЛАТИВА¹

Чл.-корр. АН СССР проф. Д. В. Бубрих

I

Финский падеж, называемый транслативом, характеризуется показателем *-kse-*, *-ksi*, *-s*.

В виде *-kse-* данный показатель употребляется в том случае, если за ним следует еще какой-нибудь показатель, например лично-притяжательный (*talo-kse-ni* „домом-моим“ и т. п.). Положение не в конце слова сохранило данный показатель в этом случае в первоначальном звучании.

В виде *-ksi* данный показатель употребляется обычно. Это *-ksi* возникло из *-kse* фонетически в конце четносложного слова (*maa-ksi* „землею“, *tavara-ksi* „товаром“ и т. п., ср. *sääksi* „коршун“ при *sääkse-t* „коршуны“), а затем широко обобщилось, попав и в конец нечетносложного слова (*talo-ksi* „домом“, *opettaja-ksi* „учителем“ и т. п.).

В виде *-s* данный показатель сохраняется только в следах — в окаменелых наречных образованиях, обозначающих направление. Это *-s* возникло из *-ks* и далее из *-kse* фонетически в конце нечетносложного слова (*ulo-s*, из трехсложной формы, „наружу, вон“, *ala-s* „вниз, долой“, *ylö-s* „вверх“, *kausa-s* „вдаль, далеко“, *ede-s* „вперед“, *taas* первонач. „назад“, ныне „опять“ и т. п., ср. *vanhus* „старик“ при *vanhukse-t* „старики“), а затем, в небольшом объеме, факультативно перебросилось и в более длинные этимологически родственные образования (под влиянием *kausa-s* „вдаль, далеко“ и *kauppa-s* „в более далекое место“ рядом с фонетическим *kauppa-ksi* с тем же значением и т. п.²).

¹ Часть доклада „Сравнительная грамматика финноугорских языков в СССР“, выделяемая в отдельную статью.

² Весьма распространено, с легкой руки E. N. Setälä, Yhteissuomalainen äännehistoria, стр. 167—169, неправильное мнение, согласно которому *-s* по происхождению не связано с *-kse-*, *-ksi*. Это мнение опирается на совершенно произвольное утверждение, будто распространенность *-ksi* в самых различных позициях исключает возможность появления *-s* хотя

К морфологическим особенностям транслатива надо причислить то, что он весьма своеобразно относится к грамматическому числу.

Сохраняются следы того, что некогда транслатив стоял вообще вне числовых категорий. Ср. у E. N. Setälä, Suomenkielen lauseoppi, § 33,6, Jalat käyvät kankeaksi „Ноги становятся окоченелыми“ и т. п. Это совершенно согласуется с тем, что в калининско-карельских диалектах А. А. Беляков обнаружил у транслатива еще не утраченную возможность употребляться вне числовых категорий.

Вместе с тем сохраняются следы и того, что некогда, когда транслатив проникся различием числовых категорий, последние использовались без согласования, вполне свободно. Ср. у E. N. Setälä в названной книге, § 56, особ. примечание 1, Hän elää herroiksi „Он живет как господин“, ближе — „...как господа“ и т. п. или там же, особ. примечание 2, Hän on hyvin lukenut mies talonpoikaiksi miehiksi „Он очень начитанный человек для крестьянина“, ближе — „... для крестьян“.

Значения транслатива весьма разнообразны. Это видно на основании хотя бы того материала, который дан у E. N. Setälä в Suomenkielen lauseoppi. Освещение этого материала наше.

1) Транслатив указывает на то, для чего, к чему служит что-либо, напр., Otetaan tämä lauta pöydäksi ja puorölkyt tuoleiksi „Пусть возьмут эту доску для стола, а те чурбаны для стульев“, Juon maljan onnekseksi „Пью кубок за твоё здоровье (для твоего здоровья)“, Se on hänelle häpeäksi „Это ему ко стыду“, Olkoon tämä teille opiksi „Пусть это будет вам наукой (к науке)“ и т. п.

Далее, транслатив указывает на то, к чему приходит что-либо, чем (какими) оно становится, например, He valitsivat hänet puhujaksi „Они выбрали его оратором“, Hän osoitti itsensä kunnolliseksi mieheksi „Он показал себя порядочным человеком“, Hieno sumu tekeupi ylemmänä ilmassa pilveksi „Легкий туман делается выше в воздухе тучей“, Isä on jo tullut vanhaksi „Отец уже стал старым“ и т. п.

Затем транслатив указывает на то, к какому времени,

бы в какой-нибудь фонетической позиции, а затем—на неверное истолкование фактов различных финноугорских языков. Фонетические закономерности, относящиеся к данному вопросу, освещены в нашей „Исторической фонетике финского-суоми языка“ (гл. „Судьбы а, ä и е в первых слогах слова“). Рассмотрение фактов различных финноугорских языков, относящихся к вопросу, дано выше в нашей статье „Сравнительная грамматика финноугорских языков в СССР“ (гл. I).

на какое время делается что-либо, например, *Tä m ä n kirja n toivomme ensi syksyksi ilmestyvän* „Надеемся, что эта книга к ближайшей осени появится“, *Ko kous lukättiin huomiseksi* „Собрание было перенесено на завтра“, *H ä n jäi viikoksi kotiin* „Он остался на неделю дома“ и т. п. Сюда же можно отнести *ensiksi* „во-первых (на первый раз)“, *toiseksi* „во-вторых (на второй раз)“, *loruksi* „наконец“, *viimeksi* „напоследок“ и т. п.

Наконец, транслатив сохраняет следы того, что некогда указывал на то, к какому месту, куда направляется что-либо, например *ulos* „наружу, вон“ и т. п., см. выше.

2) Транслатив указывает на то, подобно людям какой среды действует кто-либо, например *H ä n elää herraksi* „Он живет как барин“, ближе — „... как баре“ и т. п. Сюда же по происхождению относятся случаи вроде *L'ausu päthä sanat saksaksi* „Скажи эти слова по-немецки“ („как немцы“: *Saksa* это собирательное название немцев, как и название их страны).

Кроме того, транслатив указывает на то, на фоне какой среды выделяется деятельность кого-либо, например *H ä n on hyvin lukeut mies talonpoikaiksi miehiksi* „Он очень начитанный человек для крестьянина“, ближе — „... для крестьян“ и т. п.

Иногда последний случай несколько модифицируется: транслатив указывает, на фоне чего выделяется действие или функционирование кого-либо или чего-либо, например *H ä n on hyvin voimakas iäkensä* „Он очень силен для своего возраста“.

Следует отметить, что транслатив известен и за пределами финского языка, — в родственных языках до мордовских включительно.

За пределами финского языка значения транслатива разветвляются в направлениях, неизвестных финскому языку. Так, по-мордовски говорится и *Сон теевсь учителькс* „Он стал учителем“, и *Сон ульнесь учителькс* „Он был учителем“. Заслуживает интереса то, что в мордовской речи транслатив укрепился в сопоставительном значении: *Чамазо модакс раушкадсь* „Лицо-его землей > как земля по-чернело“.

С другой стороны, за пределами финского языка слабее представлено местное значение транслатива („куда“). В мордовских языках этого значения нет и следов.

Нельзя не обратить внимания на то, что в финском языке с транслативом сходны по оборудованию имена на *-kse-*.

Имена на *-kse-* в преобладающей или, вернее, в основной части случаев имеют трехсложную основу и соответственно *-kse-* в номинативе ед. ч. у них фонетически упростилось через *ks* в *s* (*vanhus* „старик“ при *vanhukset* „старики“ и т. п.). Эта черта распространилась на все вообще имена на *-kse-*, исключая отдельные случаи, уже не ощущаемые как содержащие суффикс, вроде *vuoksi* (основа *vuokse-*) „поток, прилив“—того же корня, что *vuo* „течение, русло“, *vuota* „течь“.

К морфологическим особенностям имен на *-kse-* надо причислить то, что они в одних случаях выступают как имена просто на *-kse-* (*turkikset* „меха“ от *turkki* „шуба, тулуп“ и т. п.), а в других как имена на *-ukse-*, *-ukse-* (*tulukset* „принадлежности для добывания огня—огниво, кремень, трут“ от *tule-* „огонь“ и т. п.). Несомненно, что *-ukse-*, *-ukse-* представляет собою по происхождению сочетание двух суффиксов. Суффикс *-u-*, *-y-*, значение которого, пока что, не поддается определению, употребляется и вне комбинации *-ukse-*, *-ukse-*: *ete-* „перед“—*etu* как первый компонент сложных слов в том же значении (а отдельно—„преимущество, выгода“) — *edukse-* „то, что впереди“, *keske-* „середина“—*kesku* как первый компонент сложных слов в том же значении—*keskukse-* „то, что посередине“, *perä* „зад“—*peru* „основание, низ“¹—*perukse-* „то, что у основания, внизу“, *sisä* „внутри“—*sisu* в том же значении—*sisukse-* „то, что внутри“, *syle-* „обхват, сажень“—диал. *syly* в том же значении—*sylykse-* „то, что в обхвате, охапка“ и т. п.

Значения имен на *-kse-* весьма разнообразны.

1) Имена на *-kse-* обозначают предмет, который служит для чего-либо: *aidakset* „жерди для забора“, ед. ч. *aida* (*aita* „забор“), *harjakset* „щетина“ (*härjä* „щетка“), *laivakset* „корабельный лес“ (*laiva* „судно“), *puurokset* „припасы для каши“ (*puuro* „каша“), *teräs* „сталь“ (*terä* „острие“), *turkikset* „меха“ (*turkki* „шуба, тулуп“), *vastakset* „ветки для веника“, ед. ч. *vasta* (*vasta* „веник“), *tulukset* „принадлежности для высекания огня—огниво, кремень, трут“ (*tule-* „огонь“) и т. п.

Иногда значение „предмет, который служит для чего-либо“ неотграничимо от значения „предмет, который находится

¹ Оба слова раньше обозначали собственно не зад и не низ, а то, что за предметом в луче зрения: если смотреть на предмет спереди, зад, а если смотреть на предмет сверху, основание, низ (даже, судя по другим языкам, если смотреть на предмет снизу, верх, ср. морд. пр я „вершина“ и „голова“).

где-либо": *sormus* „кольцо“ (*sorme-* „палец“), *säärykset* „гамаша“ (*sääre-* „голень“), *rinnus* „нагрудник“ (*rinta* „грудь“), *kaulus* „воротник“ (*kaula* „шея“), *pielus* „подушка“ (древнее *piele-* „ухо“ в *pieli-panka* „ушная застежка, ушной привесок“, ср. морд. *пиле* „ухо“, удм. и коми *пель* „ухо“ и т. д.) и т. п.

На почве соприкосновения двух сейчас указанных значений возникают имена, которые имеют только значение „предмет, который находится где-нибудь“: *edus* „то, что впереди“ (*ete-* „перед“), *keskus* „то, что посередине“ (*keske-* „середина“), *perus* „то, что у основания, внизу“ (*perä* „зад“, см. выше), *sisus* „то, что внутри“ (*sisä* „внутри“), *alus* „то, что внизу“ (*ala-* „низ“), *taus* „то, что позади“ (*taka-* „задняя сторона“) и т. п.

Иногда значение „предмет, который служит для чего-либо“ неотграничимо от значения „предмет, который содержит что-либо“: *tervas* „смольяк, смольчук — смолистое дерево“ (*terva* „смола“) и т. п.

На почве соприкосновения двух сейчас указанных значений возникают имена, которые имеют только значение „предмет, который содержит что-либо“: *lehdes* „ветка, покрытая листьями“ (*lehte-* „лист“), *save* „глинистая почва“ (*save-* „глина“) и т. п.

Интересно, что имена с последним значением могут приобретать характер прилагательного: *veges* „нечто кровавистое“ > „свежий“ (*vege-* „кровь“). Это явление только намечено.

Несколько своеобразно дело обстоит в тех случаях, когда имена на *-kse-* производятся от имен действия.

И в этих случаях имена на *-kse-* обозначают прежде всего „предмет, который служит для чего-либо“: *keitokset* прежде всего (как в карельском языке) — „припасы для варки“ (*keitto* „варка“) и т. п.

Но значение „предмет, служащий для какого-либо действия“ иногда неотграничимо от значения „нечто, составляющее эффект какого-либо действия“: *apnos* „то, что предназначено для выдачи, что составляет эффект выдачи, порция и т. п.“ (*apto* „дача, выдача“) и т. п.

На почве соприкосновения двух сейчас указанных значений имена на *-kse-*, производные от имен действия, вообще почти полностью переключились на значение „нечто, что составляет эффект какого-либо действия“: *kylvös* „посев“ (*kylvö* „сев“), *kyntös* „пашня“ (*kyntö* „пахота“), *löydös* „находка — в конкр. смысле“ (*löytö* „нахождение, находка — в абстр. смысле“), *ostos* „покупка — в конкр. смысле“ (*osto* „покупание, покупка — в абстр. смысле“),

otios „добыча и т. п.“ (otto „взятие“), teos „произведение“ (teko „деяние, действие“), tulos „результат“ (tulo „приход“), veistos „резная работа, изваяние“ (veisto „резьба, ваение“) и т. п., также keitos „варево“ (keitto „варка“) и т. п.

В обстановке колебаний значение суффикса—у имен, образованных от имен действия, часто затемняется: o^pre^lus=o^pre^lu „вышивание“ и т. п. Так получилось, между прочим, что имена действия при многосложных глаголах на -ta-, -tä- образуются ныне всегда на -us, -ys, но не на -u, -y: kuljetus „перевозка, транспорт“ и т. п.

Суффикс -kse- чрезвычайно бледен в своем значении и у имен на -tus, -mys, образованных от имен действия на -ta, -tä (ныне как имена действия почти не употребляемых). Впрочем, в таких случаях можно подметить, что дело касается собственно не действия, а содержания действия: aikomus „намерение“, apomus „просьба“, eksymus „заблуждение“, hakemus „ходатайство“, katumus „раскаяние“, kysymus „вопрос“, kärsimys „страдание“, luottamus „доверие“, myöntymys „согласие“, rikkomus „преступление“, sopimus „соглашение“, toivomus „пожелание“, tutkimus „исследование“, vaatimus „требование“ и т. п.

2) Имена на -kse- обозначают предмет, который входит в состав пары или группы предметов.

Прежде всего сюда относятся также имена, как veljekset „братья между собою“ (velje- „брат“), sisarekset или sisarukset „сестры между собою, братья и сестры между собою“ (sisare- „сестра“), serkukset „двоюродные братья-сестры между собою“ (serkku „двоюродный брат или сестра“), ystävykset „друзья между собою“ (ystävä „друг“), toverukset „товарищи между собою“ (toveri „товарищ“), naapurukset „соседи между собою“ (naapuri „сосед“).

Кроме того, сюда относятся такие имена, как ohjakset „вожжи в паре“, ед. ч. ohjas (ohja „вожжа“), jalakset „полозья в паре“, ед. ч. jalas (jalka „нога“), kannakset „задние части полозьев в паре“, ед. ч. kannas (kanta „каблук“), kivekset „грузила—как полагается, в целой системе“ (kive- „камень“) и т. п., —kasvikset „различного рода растения, зелень“ (kasvi „растение“), ruokaset „разного рода кушанья“ (ruoka „пища, кушанье“), ripukset „разного рода гири, разновесы“ (ripunta „фунт“), kaalikset „овощи“ (kaali „капуста“) и т. п., —kolmannes „треть (одна из трех частей)“ (kolmannente- „третий“), neljännes „четверть“ (neljänte- „четвертый“) и т. п.

Из таких имен вышли имена вроде *peuvos* „советник (один из членов совета)“ (*peuvo* „совет“).

В последнего типа именах значение суффикса *-kse-* легко бледнеет. Оно в сущности уже совсем сошло со сцены в таких названиях представителей того или иного „класса“ людей и т. п., как *vanhus* „старик“ (*vanha* „старый“), *tuhmus* „глупец“ (*tuhma* „глупый“).

Интересно отметить имена вроде *ylimys* „аристократ“ (*ylim*, основа *ylimrä-*, а раньше *ylimä-*, „высший“), *ruhtmys* „святитель“ (*ruhin*, основа *ruhirä-*, а раньше *ruhimä-*, „святейший“), *rikkaimus* „богач“ (*rikkain*, основа *rikkaitra-*, а раньше *rikkaima-*, „богачейший“).

Следует указать, что имена, соответствующие финским именам на *-kse-*, известны далеко за пределами финского языка, до пермских языков, а может быть, и до угорских. В мордовских языках они представлены как имена на *-ks*, в пермских как имена на *-с*. Очень возможно, что в венгерском языке они представлены как имена на *-j* с последующим объединением этого *-j* с предшествующим гласным не-первого слога в долгое закрытое *ö* или в *i*.¹ Впрочем, в венгерском языке как имена на *-j* и т. д. могут быть представлены и древние имена на *-й*. Поэтому о венгерском соответствии финским именам на *-kse-* осторожнее не говорить.

Использование суффикса *-кс* в мордовских языках весьма похоже на использование суффикса *-kse-* в финском языке, только вторая группа значений ограничивается случаями, которые могут быть связаны и с первой.

Для пермских языков характерно богатое развитие прилагательных на *-с*, подобных финскому *veges* „нечто кровянистое“ > „свежий“ (*vege-* „кровь“).

3

В традиционной науке принято держать транслатив и *кс*-овые имена далеко друг от друга, — так далеко, что

¹ J. Budenz в *Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana*, смешивая финские *-ise-* и *-kse-*, установил, что чему-либо одному из них соответствует венгерское *-s* (читается: *-ш*). С течением времени в науке было установлено, что финские *-ise-* и *-kse-* надо резко разделять. Но вопрос о том, с чем из них связывать венгерское *-s* (читается: *ш*), не привлек внимания. Не было обращено внимания на то, что венгерское *-s* (читается: *ш*) является прямым соответствием финскому *-ise-*, где *s* из *ц'*. Поэтому не встречала противодействия мысль, что оно составляет параллель к финскому *-kse-*. Эта последняя мысль совершенно невероятна: на базе древнего *с* (твердого) и содержавших его сочетаний согласных венгерский шипящий не встречается ни в одном другом случае. К финскому *-kse-* может составить параллель только венгерское *j*, ср. многочисленные случаи вроде: финск. *maksa* „печень“, морд. *макс*о, удм. и коми *муэ*, венг. *мá*ж.

возможность всякой связи между ними исключается самым резким образом.

Это объясняется тем, что как раз в данном вопросе сходятся два укоренившихся в традиционной науке предрассудка.

Во-первых, в традиционной науке существует пристрастие к мысли о местном происхождении падежей. Поэтому считается самоочевидным, что из всех значений финского транслатива первоначальным является местное („куда“).

Во-вторых, в традиционной науке еще не умерла мысль J. Budez'a, будто первоначальным значением всех финно-угорских отыменных имен, за исключением „поссесивных“ („чем обладающий“) и каритивных („чего лишенный“) является уменьшительное. Поэтому считается самоочевидным, что к-овые имена являются по происхождению уменьшительными.

Разумеется, если считать транслатив по происхождению местным падежом, а к-овые имена по происхождению уменьшительными, связь между ними никак не может быть усмотрена.

Но мы не считаем себя связанными указанными двумя предрассудками.

Во-первых, мы отнюдь не имеем пристрастия к мысли о местном происхождении падежей. Бесспорно, идея связи по месту в древности должна была играть громадную роль. Однако не все держалось только на ней. Работая по вопросу о происхождении падежей в папуасских языках (см. нашу статью „У истоков склонения“ в „Советском языкознании“, II), мы могли наблюдать, что рождение падежей отнюдь не просто. Наряду с идеей места в них с самого начала дают себя знать и разные другие идеи. Работая — в менее благоприятных условиях — по вопросу о происхождении падежей в финноугорских языках, мы пришли к сходному результату. Так, для нас стало ясно, что один и тот же н-овый падеж с самого своего возникновения имел не только значение „где, когда и т. п.“, но и значение „с чем“ (объясняется это тем, что все эти значения были заложены еще в образованиях, составивших источник н-ового падежа).¹ В этой обстановке первоначальное местное значение транслатива отнюдь не самоочевидно. Отнюдь не исключается возможность, что местное его значение (в мордовских языках абсолютно неизвестное) является не основным, а побочным.

¹ См. выше нашу статью „Сравнительная грамматика финноугорских языков в СССР“.

Во-вторых, мы отнюдь не увлечены идеей уменьшительного источника чуть ли не всего именного словообразования. Этого увлечения нет, кажется, нигде за пределами традиционного финноугорского языкознания. В традиционном индоевропейском языкознании, имеющем несравненно более значительный опыт в морфологических вопросах, чем финноугорское, уменьшительное значение (значение в основном эмоционального порядка) считается вообще производным. Так, К. Brugmann в *Kurze vergleichende Grammatik der Indogermanischen Sprachen*, стр. 337, пишет: „Первоначальный смысл (уменьшительных имен) было—что что-либо принадлежит чему-либо или подобно чему-либо или происходит от чего-либо“. В этой обстановке первоначальное уменьшительное значение кс-овых имен отнюдь не очевидно. Больше того: на него нет никаких намеков. Если взглянуть на квинт-эссенцию того, что можно привести в пользу первоначального уменьшительного значения кс-овых имен, представленную у J. Szinyei в *Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*, изд. 2-е, стр. 84—85 (по Budenz'у), то бросается в глаза, что эта квинт-эссенция не стоит ровно ничего. Венгерские имена на -*v* (читается: -ш) и на -*cs* (читается: -ч) к вопросу вовсе не относятся, ибо отнюдь не являются кс-овыми по происхождению, см. выше. Удмуртские имена типа ку з я л э с (именно так, а не *kuz'es*, указанное у J. Szinyei) „длинноватый“, бесспорно, имеют ограничительный характер, родственный уменьшительному, но соль ограничительности не в -эс, а в -ал-, ср. коми имена типа руд ов „сероватый“, где -ов из -ал. За этими пределами—что угодно, кроме уменьшительности (если, конечно, смотреть на финноугорские слова, а не на немецкие их переводы).

Так опадает все то, что стоит на пути связывания транслатива и кс-овых имен.

Для непредубежденного взгляда—связь, бьющая в глаза. С формальной стороны характеристика транслатива и кс-овых имен совпадает (одинаково кс). То обстоятельство, что в финском языке транслатив выступает не только в единственном числе на -*kse*-, но и во множественном числе на -*ikse*-, не затемняет совпадения, ибо числовые различия в транслативе—относительно позднего происхождения (они совсем не представлены в мордовских языках, если не говорить об особо поставленном указательном склонении). То обстоятельство, что в финском языке имена на -*kse*- выступают часто в суффиксной комбинации -*ukse*-, -*yukse*-, тоже не затемняет совпадения, ибо никакие суффиксные комбинации затемнить подобных совпадений вообще не могут—они закрепляются только с неко-

торых пор (данная суффиксная комбинация совсем не представлена в мордовских языках).

С семантической стороны отношение не менее близкое. Особенно бросается в глаза сходство первой группы значений транслатива и первой группы значений кс-овых имен. Первая группа значений транслатива такова: для чего, на что служит что-либо; к чему приходит что-либо, чем (каким) оно становится; к какому времени, на какое время делается что-либо; к какому месту, куда направляется что-либо (последнего значения в мордовских языках нет). Первая группа значений кс-овых имен такова: предмет, который служит для чего-нибудь и т. д. Не ускользает от внимания и сходство второй группы значений транслатива и второй группы значений кс-овых имен. Вторая группа значений транслатива: подобно людям какой среды действует кто-либо; на фоне какой среды выделяется деятельность как-либо и т. д. Вторая группа значений кс-овых имен: предмет, который входит в состав пары или группы предметов и т. д.

Поскольку транслатив и кс-овые имена оказываются между собою связанными, возникает вопрос, что из чего. Если учесть, что географическое распространение транслатива относительно ограничено (только до мордовских языков), а географическое распространение кс-овых имен значительно шире (до пермских, а может быть, и угорских языков), то естественно смотреть на транслатив как на нечто вторичное, а на кс-овые имена как на нечто первичное, т. е. выводить транслатив из кс-овых имен. Эта точка зрения получает подкрепление в том, что все приглагольные падежи, а значит и транслатив, возможны только с момента, когда возник древнейший пласт глагольных форм, в то время как словообразовательные категории имен, а значит и кс-овые имена уходят в „бездонную“ историческую глубину. К этому нелишне прибавить, что в мордовской речи еще есть ясные следы трактовки транслатива как словообразовательной категории. В части диалектов притяжательная суффиксация при транслативе может оформляться не как при косвенном падеже, а как при номинативе, например в с. Кечушewe скажуг не Сон теевсь аваксон „Она стала матерью-моей“, а Сон теевсь аваксом собственно „Она стала некто как магы-моя“.¹ Во всех мордовских диалектах транслативные образования могут трактоваться как база для развертывания широкого, именного и глаголь-

¹ Такая же особенность свойственна и другому падежу, комтаративу на -ш ка („величиной—с кого, со что“).

ного, словообразования, как если бы перед нами был не косвенный падеж, а номинатив, например тейтерьксча „девичество“ (от тейтерькс, транслатива имени тейтерь „девушка“), одксомомс „помолодеть“ (от одкс, транслатива имени од „молодой“).

Ход выпочковывания транслатива из кс-овых имен не может составлять загадки. При глаголе, когда возник древнейший пласт его форм, было сколько угодно возможностей претворения кс-овых имен в падежную форму Otetaaŋ tātmä lauta pōydäksl в своих истоках значило „Пусть возьмут эту доску—предмет, служащий для стола“, а стало значить „Пусть возьмут эту доску для стола“ и т. д.

В вопросы, имеющие в виду явления, сложившиеся еще до начала выпочковывания транслатива из кс-овых имен, не входим. К этим вопросам относится, между прочим, вопрос о связи между двумя группами значений кс-овых имен, предопределившей связь между двумя группами значений транслатива. О связи между двумя группами кс-овых имен можно строить самые различные догадки, но все они будут висеть в воздухе. Разумеется, нельзя закрывать глаза на то, что обе группы значений кс-овых имен отнюдь не изолированы друг от друга. Идея вхождения предмета в пару или более широкую группировку предметов, связывающая вторую группу значений кс-овых имен, более или менее проникает и первую группу значений этих имен. Вспомним, с каких случаев нам пришлось начать характеристику первой группы значений: aidakse-t' „жерди для забора“, ед. ч. aidas (aita „забор“) и т. д.